

УДК 330.567.2

DOI 10.18101/978-5-9793-1674-1-140-148

**ПОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ КНИГИ КОЛХОЗНИКОВ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА
ВЕРХОКАМЬЯ 1940–1942 гг.**

© **Пушков Виктор Петрович**

кандидат исторических наук,

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Россия, г. Москва

pushkov@wwwcom.ru

Верхокамье — один из главных центров старообрядчества Пермского края. Информация из похозяйственных книг колхозников одного из местных колхозов 1940–1942 гг. выявила средний размер семьи (4,4 чел.), родство, грамотность колхозников, площадь усадьбы, количество жилых и хозяйственных построек. В основном колхоз состоял из близких родственников с фамилией Сабуровы, что помогало им поддерживать друг друга. Половина глав семей были грамотными. Начало Великой Отечественной войны привело к резкому сокращению числа овец и полному исчезновению телят и свиней, но количество коров в ЛПХ оставалось удовлетворительным. Произошло резкое огрубление структуры питания колхозников. К 1942 г. на огородах существенно увеличились посадки картофеля, но сократились посевы основных зерновых культур, а также льна и конопли. Несколько семей занимались пчеловодством.

Ключевые слова: Верхокамье, крестьяне, старообрядцы, колхозники, семья, грамотность, усадьба, постройки, личное подсобное хозяйство, животноводство, огород, картофель, зерновые, лен, конопля, пчеловодство.

**HOUSEHOLD BOOKS OF OLD BELIEVERS — COLLECTIVE FARMERS
AS A HISTORICAL SOURCE OF TRADITIONAL ECONOMY
IN UPPER KAMA REGION DURING 1940–1942**

Viktor P. Pushkov

Cand. Sci. (History),

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

pushkov@wwwcom.ru

Verkhokamyje is one of the main centers of the Old Believers in the Perm Region. Information from the household books of collective farmers in 1940-1942 revealed the average family size (4.4), family relationship, literacy of collective farmers, the area of the estate, the quantity of buildings. Basically, the collective farm consisted of close relatives with the surname Saburov, which helped them to support each other. Half of the heads of families were literate people. The beginning of the Great Patriotic War led to a sharp reduction in the number of sheep and the complete disappearance of calves and pigs, but the number of cows in the farm remained satisfactory. There was a sharp coarsening of the nutrition structure of collective farmers. By 1942, potato plantings had significantly increased in the vegetable gardens, but the crops of the main grain crops, as well as flax and hemp, had decreased. Several families were engaged in beekeeping.

Keywords: Verkhokamye, peasants, Old Believers, collective farmers, family, literacy, manor, buildings, personal subsidiary farm, animal husbandry, vegetable garden, potatoes, cereals, flax, hemp, beekeeping

*Светлой памяти
Виктора Васильевича Литвина — доброго друга
университетских археографов*

Одним из основных документальных источников по комплексному изучению традиционной культуры старообрядцев Верхокамья (поморского беспоповского согласия), которое более 40 лет ведет межкафедральная Археографическая лаборатория исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, являются появившиеся в начале 1930-х гг. «похозяйственные книги» колхозников и единоличников. Уже из названия этих самых массовых и действующих до начала XXI в. исторических источников видна их направленность на всесторонний контроль государства над состоянием крестьянского подворья. Эти книги составлялись по сведениям колхозных правлений и сельсоветов, а также словесным сообщениям крестьян и визуальному осмотру местной власти. Они группировались по колхозам, а внутри них по отдельным населенным пунктам с указанием года вступления семьи в колхоз (на единоличников заводились отдельные книги). Описывались все основные стороны жизни крестьянской семьи: половозрастной и родственной состав всех ее членов с датами рождения и смерти, должность и место работы, уровень образования и причины выбытия (на срочную военную службу, учебу, «производство», в заключение и др.). Перечисление в этих документах всех видов приусадебных жилых и хозяйственных построек с указанием года их возведения и занимаемой ими площади позволяет в первом приближении оценить экономическое положение отдельных хозяйств и эволюцию их усадебной структуры. Особую ценность представляют достаточно подробные сведения похозяйственных книг о состоянии личного подсобного хозяйства (ЛПХ) колхозников с размерами огородных посадок овощей, посадок картофеля и посевов основных зерновых и технических культур (ржи, овса, льна, конопли и др.). Специальным блоком описывается стадо домашнего скота (коров, телят, овец и свиней). Табличная же пролонгация таких книг на ряд лет (обычно на три года) позволяет оценить изменения в демографической ситуации и структуре ЛПХ, что крайне важно для переломных моментов истории. Нередкие разнообразные нетиповые записи в этих книгах (о разведении пчел, пожарах, переселениях и мн.др.) содержат интересные сведения о повседневной жизни колхозников. Несмотря на огромный источниковый потенциал, широкую известность и доступность похозяйственных книг (огромное их количество сосредоточено в государственных архивах всех уровней и канцеляриях местных сельских администраций), они крайне медленно вводятся в научный оборот (см.: [Скворцова 1985; Пушков 1996]).

Данная статья посвящена источниковедческому исследованию похозяйственной книги за 1940—42 гг. членов колхоза имени Ворошилова из четырех селений Мысовского сельсовета Кезского района Удмуртской АССР. С середины XVIII в. в этих глухих краях у самых истоков Камы на стыке Зюздинской волости Глазовского уезда Вятской губернии с Сепычевской волостью Оханского уезда Перм-

ской губернии сложился уникальный старообрядческий район поморского беспоповского согласия с центром в с. Сепыче. В современном Кезском районе республики Удмуртии археографы МГУ выявили целый ряд интересных артефактов (в т. ч. старопечатные книги), провели и записали много бесед с носителями традиционной культуры об истории их семей, религиозной и хозяйственной жизни.

По похозяйственным книгам 1940–1942 гг., в сельхозартель (колхоз) имени Ворошилова входили 39 хозяйств четырех селений Мысовского сельсовета (в порядке источника): деревни Крутой Лог (11 дворов), Левята (12), Петровская (6) и Абрамовский 1-й (10 дворов). Основная волна коллективизации добралась до этих отдаленных мест сравнительно поздно — в 1934 г., когда в колхоз вступили 23 семьи (в т. ч. все из Левят и Петровской). Самыми же первыми колхозниками в 1929 г. стали четыре крестьянские семьи из Абрамовского 1-го. По три хозяйства вошли в колхоз в 1930, 1931, 1933 г. и последней — одна семья в 1936 г.

Все колхозное население к 1940 г. насчитывало 172 человека — 79 мужчин и 93 женщины (соответственно 46 и 54% — такое соотношение полов было вполне типичным для того времени). Средний размер 1 колхозной семьи в 4,4 чел. обеспечивал расширенное воспроизводство населения и свидетельствовал о нормальной демографической ситуации в Верхокамье. Чаще всего (по 7 и 8 раз) встречались семьи с 4 или 5 членами, которые объединили в себе 68 чел., или 40% от всего числа членов сельхозартели. Одиночных семей было всего лишь три (все женские, в т. ч. одна «домохозяйка член сельхозартели»). Достаточно много (6) было семей из 2 чел., все они состояли из 1 мужчины и 1 женщины. В 5 семьях из 3 человек две были полностью женскими, в двух преобладали женщины и в одной — мужчины. Значительную часть колхозного населения (34 мужчины и 40 женщин — всего 74 чел., или 43%) составляли большие семьи из 6–10 чел.: четыре семьи в 6 чел., две — в 7, одна — в 8, две — в 9 и 10 членов насчитывала семья Петра Титовича Сабурова из д. Левят, в которой было 6 мужчин и 4 женщины.

Из 39 глав семейств лишь немногим более половины (21, или 54%) были грамотными, т. е. умели читать и в меньшей мере писать, но 18 оставались неграмотными, причем среди мужчин доля грамотных была заметно выше, чем у женщин — соответственно 14 чел. из 22 (64%) и 7 из 17 (41%). Однако отметим, что эти данные никак не учитывали традиционную грамотность по старопечатным кириллическим книгам, которой, как правило, отличались именно женщины местных поморских соборов.

Большинство глав семей являлись рядовыми колхозниками, но более трети из них (14 чел.) были записаны с указанием их колхозной специальности или должности, причем практически все они оказались грамотными людьми, что говорит о важности образования в колхозной жизни. Самым заметным в этом плане, видимо, был бригадир Филипп Петрович Сабуров из д. Крутой Лог. За содержание тягловой силы отвечали два конюха — Ив. Семенович и Киприян Емельянович Сабуровы (соответственно из Петровской и Абрамовского 1-го). Из последнего же передовые средства производства представляли два соседа «тракториста» — Дм.Кипр. Сабуров и Меркурий Савел. Шатров. Изготовлением и ремонтом сельскохозяйственного инвентаря и инструмента занимались также два колхозника: кузнец-слесарь Зотий Захар. Порошин (Петровская) и просто слесарь Павел Ник.

Сабуров (Левята). Всю общественную деревянную работу вел плотник из Крутого Лога Тим. Елиф. Сабуров. Колхозных коров опекали доярки Анна Данил. и Мария Лазар. Сабуровы, причем последней удавалось совмещать эту работу с обязанностями колхозного охотника. Пошивом одежды и обуви для односельчан занимались портной Сазон Елиф. и сапожник Яким Ант. Сабуровы. Колхозный урожай и добро сберегали кладовщики Степ. Мих. и Потап Фед. Сабуровы. По перечисленным выше колхозным должностям перед нами в 1940 г. предстает вполне сложившийся и самодостаточный трудовой коллектив весьма близких родственников, которым предстояло вынести на своих плечах всю тяжесть грядущей войны (уже в 1941 г. многие трудоспособные мужчины были призваны в РККА).

Главами 22 хозяйств были мужчины и 17 — женщины. Поскольку в абсолютном большинстве дворов (31) жили Сабуровы (они проживали во всех четырех селениях колхоза), то многие колхозники в той или иной степени состояли в родстве или свойстве. Остальные фамилии были представлены двумя дворами Шатровых и по одному хозяйству — Афоной, Бариной, Бузмакова, Кытманова и Порошина. Отметим большое разнообразие (19) личных мужских имен дворохозяев, из которых только два имени встретились повторно: три Ивана и два Петра (остальными были Варлам, Дмитрий, Зотий, Киприян, Меркурий, Никита, Осип, Павел, Потап, Савелий, Сазон, Сергей, Степан, Тимофей, Филипп, Фома и Яким). Набор женских имен у глав семей был вдвое меньше (10), среди которых оказалось по две Аксинье, Евдокии и Марии и по одной Анастасии, Анисье, Александре, Афимье, Марфе, Ольге, Пелагее и Параскеве (обратим внимание, что все мужские и женские имена святочные).

По сходству фамилий и отчеств глав семей (последних оказалось 22, в т. ч. 8 только у женщин, что говорит об их стороннем происхождении) определяется родство по линии «отец — сын/дочь» (на этом уровне в первом приближении можно говорить о близком родстве 18 дворохозяев из 38). Кроме того, был ряд братско-сестринских дворов (по сходству фамилий и отчеств). Как правило, родственные хозяйства находились в одном селении и в похозяйственных книгах описывались рядом. Некоторые примечания в разделе «Постройки» позволяют установить свойство глав семей. Так, относительно амбара пчеловода Ив. Сабурова (до 1918 г. постройки) в сельсовете сделали приписку, что он «отдан зятю Сабурову В. М.» (подворье Варлама Михайловича было описано сразу за усадьбой его тестя). В конце же описания хозяйства зятя есть интригующая помета — «устав» (уставщик?). Понятно, что в действительности подобных случаев свойства и родства было гораздо больше.

По 31 дворохозяйству, по которым есть соответствующие сведения, вся площадь под их надворными жилыми и хозяйственными постройками занимала 1,24 га, или ровно 8,0%, из всей общей площади этих усадеб в 15,5 га (стандартный размер одной усадьбы для данного региона составлял полгектара — 5000 м², или 50 соток). В среднем же все виды жилых и хозяйственных построек в одном подворье занимали 0,04 га (4 сотки), но чаще всего (13 раз) они имели именно такую площадь. В 8 хозяйствах под постройками было по 3 сотки, в пяти — по 5, в трех — по 6 и в двух усадьбах под ними лежало всего лишь по 2 сотки земли.

Одним из ценных достоинств похозяйственных книг как исторического источника являются сведения о времени возведения всех видов надворных построек. Такие данные есть по 35 усадьбам колхозников относительно 10 видов постоянных построек: жилых «изб/домов» и летних «кле(и)тей», а также амбаров, хлебов, бань, сенников, стоек, навесов, погребов и курятников. Всего в документе учтено 166 построек (в среднем по 4,7 на 1 двор), абсолютное большинство из которых (104, или 63%) были сооружены «до 1918 г.», а остальные 62 возводились в продолжение 17 лет — с 1922 по 1938 г. (в среднем по 3,6 постройки в год на все хозяйства). 35 семей располагали 50 «избами», 39 из которых были дореволюционной постройки. Заметное число дворов (9) имели по две и более избы (в т. ч. у 2 семей было по 3 дома). Соотношение частот дореволюционного и советского времени сооружения других построек имеет следующий вид: хлевы — 38 (22/16), клетки — 28 (16/12), амбары — 25 (16/9), бани — 15 (7/8), сенники — 5 (2/3), навесы — 2 (1/1), погреба — 1 (1/0), стая — 1 (0/1) и курятник — 1 (нет данных о времени его постройки). Тот факт, что далеко не во всех колхозных подворьях имелись два основных типа хозяйственных построек — амбары и хлевы — всего 53, или в среднем по 1,5 на один двор, — видимо, объясняется родством и семейной кооперацией колхозников, а также обобществлением рабочего скота и средств производства в ходе сплошной коллективизации.

Возведение нового жилья и хозпостроек в советское время демонстрирует неравномерность этого процесса под давлением роста населения и коллективизации. Так, заметное оживление сельского строительства наблюдалось в 1925 и 1926 гг., когда соответственно было возведено 5 и 6 строений и которое достигает максимума в 1928 г. — 8 построек, после чего с началом коллективизации в 1930 г. ничего построено не было, но уже в 1932–1934 гг. появилось 26 строений (42% от всех 62 советского времени): 12 в 1932, 6 — в 1933 и 8 — в 1934 г. Поскольку же максимальная строительная активность в 12 построек пришлось на переломный 1932 год массовой коллективизации, то она, скорее всего, была обусловлена вынужденными семейными разделами в этот и последующие два года для избегания, например, двойного налогообложения. Другой подъем новостроек (5) был отмечен в 1938 г., который, видимо, объяснялся демографическими процессами (в 1935–1937 гг. никакого частного строительства в колхозе не было).

По отдельным дворам число построек изменялось от 1 до 9, но чаще всего их было по пять, три и четыре (соответственно 9, 8 и 7 усадеб). По 2 надворных сооружения имели три семьи, по 6 — две, по 7 — три, по 8 — две, и одно хозяйство располагало 9 строениями. Это была семья Фомы Петр. Сабурова из д. Левят, вступившая в колхоз лишь в 1934 г. и состоявшая к 1940 г. из 6 человек (по три мужчины и женщины). В их хозяйстве было три избы, амбар и клеть (все 1922 г. постройки), а также возведенные в 1932 г. два хлева, баня и навес. С другой стороны, одной избой обходились семьи тракториста Дм. Сабурова из Абрамовского 1-го (она была в колхозе с 1929 г. и к 1940 г. насчитывала трех мужчин и одну женщину) и Ив. Бузмакова из Крутого Лога (трое мужчин и две женщины, в 1943 г. их «хозяйство было совмещено с усадьбой Анастасии Сабуровой»).

О суровых условиях жизни военного времени свидетельствуют факты сожжения в 1941 г. «на дрова» нескольких надворных построек. Так, семьям бригадира Филиппа и Афиньи Сабуровых пришлось уничтожить таким образом два амбара

с сенником. Тогда же «амбар был взят в колхоз» с подворья Варл. Сабурова из Крутого Лога и были «сломаны на дрова» два хлева у Якима Сабурова (всего у него было 6 построек). Еще два и один хлев также были «сломаны» у Евд. Сабуровой и у колхозного портного Саз. Сабурова. И просто в результате пожара «баня сгорела» у Петра Сабурова. «Изба на выдел» в 1940 г. была готова на усадьбе Ив. Бузмакова, что говорило о предстоящем семейном разделе.

Резкое возрастание с началом Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. обязательств колхозов и колхозников по сдаче государству хлеба и мясо-молочной продукции, естественно, самым непосредственным образом отразилось на состоянии личного подсобного хозяйства (ЛПХ) колхозников, что, с одной стороны, привело к сильному сокращению стада домашнего скота и усадебных яровых посевов, а с другой — к увеличению огородных посадок картофеля и овощей — т. е. к огрублению и снижению пищевого рациона колхозников. Так, общее поголовье всех видов скота (КРС, овец и свиней) в ЛПХ в 1941 г., по сравнению с 1940 г., сократилось почти в два раза — со 102 до 56 и продолжило снижение до 39 в 1942 г. В среднем в эти три года каждая семья имела по 2,8–1,6–1,1 головы всех видов домашнего скота. В то же время картофельные и овощные посадки продемонстрировали следующий противоречивый ряд (в сотках): 383–374–476. Как видим, после незначительного снижения в 1941 г. в 1942 г. произошло существенное (на 102 сотки, или +21%) приращение картофельно-овощных насаждений. При этом в среднем каждая колхозная семья располагала достаточно большими посадками этих культур: 10,6–10,4–3,2 сотки. Но, тем не менее, общая площадь всех огородных посевов и насаждений в первые военные годы заметно снизилась, по сравнению с довоенным уровнем, когда она составляла 704 сотки: соответственно 583 (1941) и 597 (1942) сотки, т. е. общая убыль возделываемой на усадьбах колхозников земли составила 114 соток, или 16,2%.

Рассмотрим эту противоречивую динамику по отдельным видам скота, культурам и хозяйствам более подробно.

По сравнению с 1940 г., когда в подворьях колхозников было 30 коров (в среднем на 1 двор по 0,83 гол.), в следующие два года произошло весьма заметное сокращение их численности — до 26 гол. в 1941 и 25 в 1942 г., однако отметим, что уменьшение коровьего стада всего лишь на одну голову в 1942 г. говорит о ведущем значении коров в сохранении традиционного уклада крестьянского хозяйства. В этом отношении обеспеченность коровами тружеников колхоза следует признать вполне удовлетворительной (с учетом того, что несколько семей по ряду причин прямо в них не нуждались). Но эта временная стабилизация была достигнута тяжелой ценой полной утраты телят, число которых с 20 в 1940 г. через год сократилось до 17, и все они полностью исчезли в 1942 г. Столь тревожная ситуация с резервом КРС грозила крестьянскому хозяйству весьма тяжелыми последствиями до конца войны. Более радикальному сокращению подверглось свиное стадо — с 23 голов в 1940 г. (в среднем 0,64 на 1 двор) до 5 в 1941 г. и полной их ликвидации в 1942 г. Менее драматично сложилась «судьба» домашних овец, чье поголовье сначала сократилось более чем в 3 раза — с 27 до 8, но в 1942 г. оно почти удвоилось — до 14 голов, что доказывает второе по важности значение овец в составе домашнего стада колхозников. В основном трава на сено для такого скота, видимо, косилась по лесам и на собственных по-

дворьях, но за четырьмя хозяйствами и только в 1941 г. по каким-то причинам были закреплены «луговые покосы» площадью в 2–10–14–28 соток (последним покосом, например, располагал плотник Тимоф. Епиф. Сабуров, имевший на этот год одну корову и пять овец).

В 1940 г. 36 хозяйств имели 30 коров (в т. ч. 29 — по одной, и 2 коровы было только у плотника. Отсутствие коров в других шести хозяйствах могло объясняться разными причинами: узкой специализацией на возделывании традиционных культур и в пчеловодстве (в чисто женских хозяйствах) или работой трактористов в МТС. В 1941 г. 6 дворов лишились своих коров, но 1 семья ее приобрела, так что всего их стало 26 (в среднем по 0,72). И в 1942 г. в результате утраты 5 хозяйствами своих коров и приобретения коров 4 семьями общее их число составило 25 (в среднем 0,69 на 1 двор). Весьма показательно, что большинству семей (20) удалось в продолжение всех трех лет сохранить свое коровье стадо (по одному животному на каждый двор).

Картофель (второй хлеб) — единственная из основных крестьянских культур, которая в 1940—42 гг. выращивалась практически во всех подворьях колхозников. Если с началом войны, по сравнению с 1940 г., общая площадь посадки картофеля несколько снизилась — на 24 сотки (-10%) — с 267 до 243 соток (в среднем соответственно 7,42 и 6,75 сотки на 1 хозяйство), то в 1942 г., достигнув 293 соток, она на полгектара (50 соток, или +21%) превзошла уровень 1941 г. и на 26 сот. (+10%) — площадь своих довоенных насаждений (средняя огородная посадка картофеля в 1942 г. составляла 8,14 сотки). Подобная динамика размеров картофельного поля в личном подсобном хозяйстве колхозников говорит об огрублении структуры их питания: картофель в пищевом рационе стал замещать более ценные и калорийные продукты животноводства и полеводства.

По отдельным усадьбам в 1940 г. площадь под картофелем изменялась от 2 до 20 соток. Интересно, что максимальный ее размер был на огороде полностью женской «льняной» семьи Анисьи Сабуровой. В 1941 г. разброс картофельного клина составил 1–18 соток (его максимальный размер остался в том же хозяйстве). В этот год 19 семей сократили посадки картофеля, 8 — их увеличили и 9 — оставили прежними. В 1942 г. размеры огородных картофельных насаждений варьировали от 1 до 19 соток (у кладовщика Потапа Фед. Сабурова, в семье которого из 6 чел. было четверо мужчин). В этот год 12 дворов расширили, 17 снизили и 7 сохранили без изменения свои картофельные посадки. Все три года в неизменном виде сохранили свои посадки картофеля лишь три хозяйства — в 2,4 и 8 соток и 5 семей последовательно только снижали такие насаждения. 9 же дворов сначала сокращали, потом увеличивали и 2 семьи — наоборот. Наиболее резкий разворот в сторону увеличения выращивания картофеля произошел в хозяйстве Александры Бариной (кроме нее в семье было еще 2 женщины): соответственно по годам 3–1–12 соток.

По сравнению с картофельным клином огородные «овощники» колхозников по своим размерам были примерно вдвое меньше и практически на всех усадьбах, общая площадь под которыми за 3 года дала следующий ряд: 1940 г. — 116, 1941 г. — 127, 1942 г. — 183 сотки. Как видим, в отличие от картофеля, размеры овощных посадок в ЛПХ колхозников постоянно возрастали: на 14 соток в 1941 г. (+1,2%), в 1942 г. их площадь резко увеличилась — более чем в полтора

раза, по сравнению с 1940 г., — на 67 соток (+58%). В среднем же огородные овощи в эти годы на одном подворье соответственно занимали 3,22–3,61–5,08 соток. В 1940 г. разброс овощных насаждений колебался от 1 до 9 соток. В 1942 г. при модальных значениях в 2–3 сот. (по 6 раз) каждое шестое хозяйство имело очень большие овощники (четыре семьи по 10 и две — по 12 соток, из последних у пчеловода Марии Лаз. Сабуровой, причем в 1940/41 гг. у нее было по 5 сот.) и у кладовщика Степана Петр. Сабурова, располагавшего в 1940/41 гг. всего лишь 3 сотками овощей. В 1941 г. 12 дворов расширили свои овощники, но 23 оставили их в прежнем состоянии и в 1942 г. 20 хозяйств увеличили их размеры. Все три года только 8 хозяйств колхозников без изменения сохранили площади своих овощников.

Отдельной графой в похозяйственных книгах велся учет корнеплодов (свекла и др.), которые в 1940 г. выращивались лишь в 4 хозяйствах на площади в 10 соток (от 1 до 4), в 1941 г. они пропадают, но появляются на 1 сотке лишь в одном новом подворье и полностью исчезают в 1942 г.

Рассмотренное выше вынужденное расширение картофельно-овощного клина в огородах колхозников происходило за счет ликвидации или сокращения усадебных посевов яровых, ржи, овса и других культур.

В 1940 г. весь приусадебный яровой посев зерновых культур (пшеница, ячмень, гречиха и др.) у 26 семей занимал большую площадь в 232 сот. (от 2 до 23, но в среднем по 8,92 сотки на 1 двор). В 1941 г. число таких посевов сократилось в 2,2 раза: 12 дворов имели 103 сотки, причем максимальный посев яровых в 24 сотки был у разводившей пчел Парасковьи Сабуровой (цветущая гречиха была хорошим медоносом). В три раза число хозяйств с посевом яровых культур уменьшилось в 1942 г.: 4 семьи на 46 соток.

В 1940 г. озимая рожь посева 1939 г. имела лишь в 3 хозяйствах на 21 сотке (в т. ч. в 2 усадьбах она замещала яровые культуры), в следующем году ее совсем перестали сеять, однако в 1942 г. (видимо, в качестве более надежной и грубой замены яровых культур) озимая рожь появилась сразу на 10 усадьбах площадью в 64 сотки (отдельные посеы варьировали от 2 до 16 соток). В 1940 г. овса никто не сеял, но в 1941 г. он, имея высокую урожайность, как альтернатива яровым культурам появился сразу в 6 усадьбах на площади в 50 соток (в среднем по 8,3 сотки на 1 двор), однако в 1942 г. овес остался лишь в 1 усадьбе на 1 сотке. В 1940 г. горох сеялся лишь в одном хозяйстве на 1 сотке, в 1941 г. он появился в 5 других усадьбах на 6 сотках, но в 1942 г. совершенно исчезает.

В 1940 г. почти половина хозяйств (17) возделывали коноплю на 23 сотках, причем показательно, что чаще всего (12 раз) ею засеивали по 1 сотке, что, видимо, соответствовало типичной потребности традиционного хозяйства в этой культуре. Характерно также, что наряду с коноплей 7 из этих 17 семей выращивали и лен, что свидетельствует об общем их севообороте. В 1941 г. конопля оставалась на 10 подворьях, но в 1942 г. ее уже никто не сеял. Вдвое реже (8 раз) в 1940 г., но в том же размере, что и конопля на 23 сотках, на усадьбах выращивали и лен с разбросом по отдельным дворам от 1 до 5 соток (у Варлама Сабурова) и среднем посеиве в 2,9 сотки на 1 подворье. В следующем году эти хозяйства лен не сеяли, но он появился в двух других колхозных усадьбах (по 1 сотке), а в 1942 г. остался лишь в одном чисто женском хозяйстве Анисы Савел. Сабуро-

вой, но с очень большим посевом — в 10 сот. (вероятно, эти 2 женщин из Абрамовского возделывали лен для традиционных потребностей всей округи).

Любопытна графа по учету «пара» на приусадебной земле колхозников, хотя в 1940 г. такие угодья имелись всего лишь в 4 хозяйствах в 2–4–20 и 22 сот. (последняя площадь у кузнеца-слесаря Зотия Порошина). Приусадебные пары могли использоваться в качестве выгона для скота, покосов и посева кормовых трав (в следующие годы никаких паров на усадьбах колхозников уже не было).

Из традиционных подсобных занятий членов колхоза имени Ворошилова документ фиксирует лишь пчеловодство с учетом числа, типов ульев и имевшихся в них «пчелосемей». Этим делом занимались: Ив. Матв. Сабуров (три пчелосемьи в одном рамочном улье и двух «колодах») и по одному «кулю-колоде» с одной пчелиной семьей стояло на усадьбах «охотника-дойarki» Марии и кладовщика Степана Сабуровых из д. Левят. Как было показано выше, пчеловодство существенно влияло на структуру усадебных посевов этих семей, что, видимо, должно свидетельствовать о выгодности данного занятия и их хозяйственной состоятельности. О хорошем знании своего дела пчеловодами можно судить по их посевам «укосного клевера», которые в 1940–1941 гг. были у Мавры Мих. Сабуровой (соответственно 2 и 8 сот.), но эта новация исчезла в 1942 г. Аналогично клевер исчез и у Степана Тит. Сабурова, засевавшего им в эти годы по 8 и 9 соток. Только в 1941 г. 5 сот. этой культуры имелось на усадьбе охотника-дойarki Марии Лаз. Сабуровой и 8 сот. у Марии Фед. Сабуровой из Абрамовского 1-го, что могло свидетельствовать о заведении современных севооборотов. Обратим внимание на превалирование женских семей в занятиях пчеловодством.

В заключение отметим, что, несмотря на сравнительно небольшой объем фактического материала, проведенный источниковедческий разбор похозяйственных книг выявил большой исследовательский потенциал данного типа массовых документов, вполне достаточную их полноту и достоверность. Удалось выяснить систему и логику эволюции всего усадебного комплекса, оценить возможности и ограничения его дальнейшего развития. В условиях чрезвычайной ситуации приущие традиционной культуре механизмы самосохранения «перевели» ЛПХ колхозников на уровень минимального потребления (приусадебные посевы как бы моделировали утраченные полевые наделы). По причине устойчивости формуляра похозяйственных книг полученные конкретные результаты вполне сравнимы как с более ранними, так и с более поздними (вплоть до настоящего времени) профильными источниками (в т. ч. полевыми верхокамскими дневниками университетских археографов). В этом плане похозяйственные книги являются оптимальным массовым источником для изучения истории локальных поселений и крестьянских родов.

Литература

1. Пушкин В. П. Хозяйство крестьян-старообрядцев Верхней Язвы по похозяйственным книгам 30–60-х гг. XX в. // Мир старообрядчества. Вып. 3. М., 1996. С. 104–127.
2. Скворцова Е. М. Похозяйственные книги сельсоветов 30-х годов как исторический источник // Социально-экономические и политические проблемы развития народов СССР. М., 1985. С. 119–133.